

Граф Калиостро

Автор:

Алексей Толстой

Граф Калиостро

Алексей Николаевич Толстой

Повесть Алексея Николаевича Толстого об известном мистификаторе и авантюристе Графе Калиостро. В поместье в Смоленской глуши попадает маг и кудесник, переполошивший своими колдовскими умениями всю столицу. Хозяин же усадьбы грезит о женщине со старинного портрета и только таинственный иностранец может помочь ему воплотить мечты в реальность...

Алексей Толстой

Граф Калиостро

I

В Смоленском уезде, среди холмистых полей, покрытых полосами хлебов и берёзовыми лесками, на высоком берегу реки стояла усадьба Белый Ключ, старинная вотчина князей Тулуповых. Дедовский деревянный дом, расположенный в овражке, был заколочен и запущен. Новый дом с колоннами, в греческом стиле, обращен на речку и на заречные поля. Задний фасад его уходил двумя крыльями в парк, где были и озёрца, и островки, и фонтаны.

Кроме того, в различных уголках парка можно было наткнуться на каменную женщину со стрелой, или на урну с надписью на цоколе: «Присядь под нею и

подумай – сколь быстротечно время», или на печальные руины, оплетённые плющом. Дом и парк были окончены постройкою лет пять тому назад, когда владелица Белого Ключа, вдова и бригадирша, княгиня Прасковья Павловна Тулупова, внезапно скончалась в расцвете лет. Именье по наследству перешло к её троюродному братцу, Алексею Алексеевичу Федяшеву, служившему в то время в Петербурге, в Лейб-компани.

Алексей Алексеевич оставил военную службу и поселился, тихо и уединённо, в Белом Ключе, вместе со своей тёткой, тоже Федяшевой. Нрава он был тихого и мечтательного и ещё очень молод, – ему исполнилось девятнадцать лет. Военную службу он оставил с радостью, так как от шума дворцовых приёмов, полковых попок, от смеха красавиц на балах, от запаха пудры и шороха платьев у него болел висок и бывало колотьё в сердце.

С тихой радостью Алексей Алексеевич предался уединению среди полей и лесов. Иногда он выезжал верхом смотреть на полевые работы, иногда сиживал с удочкой на берегу реки под душистой ветлой, иногда в праздник отдавал распоряжение водить деревенским девушкам хороводы в парке вокруг озера, и сам смотрел из окна на живописную эту картину. В зимние вечера он усердно предавался чтению. В это время Федосья Ивановна раскладывала пасьянс; ветер завывал на высоких чердаках дома; по коридору, скрипя половицами, проходил старичок-истопник и мешал печи.

Так жили они мирно и без волнения. Но скоро Федосья Ивановна стала замечать, что с Алексисом, – так она звала Алексея Алексеевича, – творится не совсем ладное. Стал он задумчив, рассеянный и с лица бледен. Федосья Ивановна намекнула было ему, что: «Не пора ли тебе, мой друг, собраться с мыслями да и жениться, не век же, в самом деле, на меня, старого гриба, смотреть, так ведь может с тобой что-нибудь скверное сделаться...» Куда тут! Алексис даже ногой топнул:

– Довольно, тётушка!.. Нет у меня охоты и не будет погрязнуть в скуке житейской: весь день носить халат да играть в тресет с гостями... На ком же прикажете мне жениться, вот бы хотел послушать?

– У Шахматова князя пять дочерей, – сказала тётушка, – все девы отменные. Да у князя у Патрикеева четырнадцать дочерей... Да у Свиных – Сашенька, Машенька, Варенька...

– Ах, тётушка, тётушка, отменными качествами обладают перечисленные вами девицы, но лишь подумать, – вот душа моя запылала страстью, мы соединяемся, и что же: особа, которой перчатка или подвязка должна приводить меня в трепет, особа эта бегаёт с ключами в амбар, хлопочет в кладовых, а то закажет лапшу и при мне её будет кушать...

– Зачем же она непременно лапшу при тебе будет есть, Алексис?... Да и хотя бы лапшу, – что в ней плохого?...

– Лишь нечеловеческая страсть могла бы сокрушить мою печаль, тётушка... Но женщины, способной на это, нет на земле...

Сказав это, Алексей Алексеевич взглянул длинным и томным взором на стену, где висел большой, во весь рост, портрет красавицы, Прасковьи Павловны Тулуповой. Затем, со вздохом запахнув китайского рисунка шёлковый халат, набил табаком трубку, сел в кресло у окна и принялся курить, пуская струйки дыма.

Но, видимо, он о чём-то проговорился, и тётушка что-то поняла, потому что, с удивлением поглядывая на племянника, она проговорила:

– Если ты человек, – люби человека, а не мечту какую-то бессонную, прости господи...

Алексей Алексеевич не ответил. За окном, куда он смотрел со скукой, на дворе, поросшем кудрявой травкой, стоял рыжий телёнок и сосал у другого телёнка ухо. Двор полого спускался к речке, на берегу её в лопухах сидели гуси, белые, как комья снега; один поднялся, взмахнул крыльями и опять сел. Было знойно и тихо в этот полуденный час. За рекой над полосами хлебов колебались и дрожали прозрачные волны жара. По дороге, выбегающей из берёзового леса, ехал верхом мужик; вот он спустился к броду, – лошадь зашла по брюхо в речку и стала пить; потом он, распугав гусей, болтая локтями и пятками, поскакал в гору и крикнул что-то дворовой девке, тащившей охапку соломы, засмеялся, но, заметив в окошке барина, спрыгнул с лошади и снял шапку. Это был нарочный, посылаемый раз в неделю на большой тракт за почтой. Он привёз Федосье Ивановне письмо, а барину – пачку книг.

Федосья Ивановна ушла за очками. Алексей Алексеевич принялся просматривать книги. Внимание его привлекла, в двадцать восьмом выпуске «Экономического магазина», статья о причинах ипохондрии. «Первый несчастный источник ипохондрии есть жестокое и продолжительное любострастие и такие страсти, которые содержат дух в непрерывном печальном положении; человек, обеспокоенный такими пристрастиями, коим выхода он не чаает, ищет уединения, погружается отчасу в глубочайшую печаль, покуда, наконец, нервы желудка и кишек его не придут в изнеможение...»

Прочтя эти строки, Алексей Алексеевич закрыл книгу. Итак, его ожидает ипохондрия: страсти, сжигающей его душу, нет выхода.

II

Полгода тому назад Алексей Алексеевич, заканчивая отделку некоторых комнат, посетил в поисках за вещами старый дом. Как сейчас он вспоминает эту минуту. Солнце садилось в морозный закат. По холодеющим полям уже закурилась позёмка. Древняя ворона, каркая, снялась с убранной инеем берёзы и осыпала снегом Алексея Алексеевича, идущего в лисьем тулупчике по дорожке, только что расчищенной в снегу вдоль берега.

На речке, присев у проруби, деревенская девушка черпала воду; подняла вёдра на коромысло и пошла, оглядываясь на барина, круглолицая и чернобровая. На деревне между сугробами зажигался кое-где свет по замёрзшим окошечкам; слышался скрип ворот да ясные в морозном вечере голоса. Унылая и мирная картина.

Алексей Алексеевич, взойдя на крыльцо старого дома, велел отбить дверь и вошёл в комнаты. Здесь всё было покрыто пылью, ветхо и полуразрушено. Казачок, идущий впереди, освещал фонарём то позолоту на стене, то сваленные в углу обломки мебели. Большая крыса перебежала комнату. Всё ценное, очевидно, было унесено из дома. Алексей Алексеевич уже хотел вернуться, но заглянул в низкое, пустое зальце и на стене увидел висевший косо, большой, во весь рост, портрет молодой женщины. Казачок поднял фонарь. Полотно было подёрнуто пылью, но краски свежи, и Алексей Алексеевич разглядел дивной красоты лицо, гладко причёсанные, пудренные волосы, высокие дуги бровей,

маленький и страстный рот с приподнятыми уголками и светлое платье, открывавшее до половины девственную грудь. Рука, спокойно лежащая ниже груди, держала указательным и большим пальцем розу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksey-tolstoy/graf-kaliostro-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)